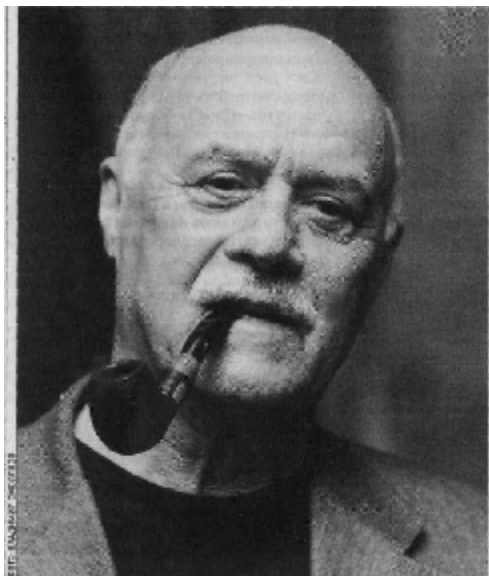

Как нам не прогалдеть Россию

Этой статьей режиссера Станислава Говорухина мы открываем на страницах «Известий» обсуждение темы «Русский проект: каким ему быть»

Иногда я жалею, что я не татарин. Хотя, как сказал русский классик: «Потри любого русского — найдешь татарина». Жалею, что я не черемис, не эвенк. Или, скажем, не еврей.

Тогда бы с чистой совестью, не опасаясь, что обвинят в шовинизме, мог бы сказать: «Я русский. Я вырос в русской культуре, мыслю и разговариваю на русском языке, моя родина— Россия, я тружусь на благо и процветание своей родины».

В последней переписи населения 116 миллионов наших граждан записали себя русскими. 80 процентов!

Так что «Россия для русских!» — это страна для всех, кто считает себя русскими, а еще точнее, для всех, кто в ней живет, кто разговаривает на русском языке, кто воспитывается в русской культуре, уважает традиции и считает Россию своей родиной-матерью.

Есть в Нью-Йорке большой район Брайтон-Бич, населенный выходцами из СССР.

Кто они для американцев? Евреи? Россияне? Русские, конечно. И триста тысяч жителей Берлина — русские. А два миллиона наших соотечественников в Израиле? Как были русскими, так и остались ими. Кстати, подавляющее большинство из них — мыслями и сердцем с Россией.

А 25 миллионов русскоязычного населения, которые остались на территории бывших республик, которых мы безжалостно бросили в лапы националистических правительств! Они-то уж точно русские, какого бы этнического происхождения они ни были.

Стало быть, русские — это не только те, кто в России, но и те, кто живет за ее пределами, но любит Россию, болеет и переживает за нее, как переживают и мучаются душой за больную мать.

Недавно одна симпатичная калмычка накинулась на меня:

—Я не русская! Я калмычка! Я не хочу быть русской! Я россиянка!

Нет проблем. Русские и россияне — синонимы.

Ну разве маленькое недоразумение на границе:

—Вы кто?

—Я россиянка.

—Не понял?..

—Ну, я из России...

—А-а, русская! Welcome!

В течение 80 лет в ходу был термин «советские люди». Но и внутри страны никто себя так не называл, и за границей происходил тот же диалог:

—Вы откуда, ребята?

—Из Советского Союза.

—А-а, русские! Welcome!

Слово «русские» давно уже потеряло свою этническую сущность. На протяжении веков русские и украинцы, башкиры и чувашаи, калмыки и татары жили вместе. Любили друг друга! И вот получилась такая нация. Неплохая, прямо скажем, нация. Недаром русские (российские) женщины считаются во всем мире самыми красивыми. В качестве примера мог бы указать на ту самую калмычку, с которой у меня состоялся разговор. Но не буду называть ее фамилию. Личность известная.

Во всем мире (опять-таки на протяжении многих веков) нас называют русскими. С легкой руки бывшего президента, не учившегося словесности, появился новый термин: «россияне». Не думаю, что он приживется, но пока будем пользоваться обоими терминами, чтобы не раздражать некоторых самых буйных представителей малых народов.

Потому что дело совсем не в терминах. Я хочу поговорить о другом, гораздо более важном.

О том, как, оказывается, легко перестать быть русским (то бишь россиянином). Как легко потерять себя. Как просто великую Россию обратить в полутуземную страну.

Для этого надо только позабыть или изувечить до неузнаваемости русский язык, выучить историю страны по учебникам, написанным врагами России, истоптать свою культуру, пренебречь своими традициями и не вспоминать о заветах великих предков.

Начнем с малого, с пустяков.

Всем людям, разбирающимся в еде, известно, что единственная страна в мире, где нет своей кухни, даже не кухни, а ничего удобоваримого для желудка,— это Америка.

В то же время русская кухня, пожалуй, самая богатая и разнообразная. Так уж сложилось— народы Российской империи сотни лет жили вместе, и теперь русская кухня — это и украинский борщ, и грузинские шапъ лыки, и узбекский плов, и осетинские пироги, и бурятские бузы, и сибирские пельмени, и кухня северных народов — всякая там строганина, оленина, медвежьи котлеты, это и знаменитая русская уха из стерляди или осетра (тройная, царская, архиерейская), это и бараний бок с гречневой кашей, это и расстегаи, и кулебяки, и дикий гусь с брусничным вареньем; я уж не говорю про щи да каши— самое простое и гениальное изобретение русских поваров. Дай мне волю, я бы всю газетную полосу исписал, только перечисляя названия блюд.

А посмотрите, что едят наши дети! Американские пироги, состоящие из одного сахара, пьют химическую кока-колу, пожирают гнусный попкорн, всякие там гамбургеры... Любую еду заливают кетчупом или соевым соусом. О таких вещах, как хрен и горчица, многие просто забыли, а то и не слышали вовсе. К примеру, как о шахматах. Что за игра, как в нее играют? (Это в бывшей шахматной державе!)

Еще короткий сюжет.

Приезжаем мы недавно в город Орск. Маленький городок, почти деревня, на Южном Урале. Но рядом — металлургический завод, наезжают командировочные, поэтому есть приличный отель. Называется он «Фортиция.» (Вона как! Не «Крепость» — по-русски, а почему-то по-итальянски -

«Фортеция»). И комнаты, то есть номера, — тоже по-итальянски. Медная табличка, на ней написано: «camera 201».

Спускаемся в ресторан. Он, наоборот, весь французский. Называется Le Jardin (то есть «Сад»). Открываем меню. Батюшки! Ни щей, ни каши, ни соленого огурца! Только тур-недо, фуа-гра, а-ля португез...

Конечно, мы отравились. Вечером меня полуживого сунули в поезд. Утром — Челябинск. Отель «Виктория». Чистенько, вежливо. Спускаюсь в ресторан, открываю меню. Мать честная, и тут то же самое! Турнедо, фуа-гра, а-ля португез... Вызываю повара, говорю:

—Я вчера отравился в таком же понтовом ресторане... Можешь мне сделать бульончик и цыпленка?

—Нет вопросов.

Жду, слюну глотаю. Настроился на прозрачный с золотыми кружочками бульончик... Через сорок минут приносят. Жидкость черного цвета!

—Почему он у вас черный? — спрашиваю.

—А мы туда... соевый соус положили...

Финал сцены рассказывать не буду. Сами, небось, догадались.

Чеховскую формулу «в нашем городе не может быть талантов» эти кулинары довели в своих бедных головушках до глобальных масштабов: «В России не может быть ничего правильного и культурного. Зато там, за бугром... О, там все ОК!»

У Николая Лескова два персонажа разговаривают:

— А я, признаться, не люблю России.

—Для какой причины?

—Да что в ней хорошего? Ни природы, ни людей. Где лавр да мирт, а тут квас да спирт. Вот вам и Россия.

Таких — вполне образованных, но глубоко некультурных— людей было и в прежней России достаточно, а уж в новой-то формации развелось великое множество.

Я как-то на телевидении участвовал в дебатах с одним очень начитанным человеком. Он, помню, в качестве аргументов в защиту своей точки зрения все цитировал маркиза де Кюстина. Заезжал к нам, в Россию, в XIX веке такой разорившийся французик, написал книжку о своих впечатлениях. У образованных людей означенный выше маркиз считается просто символом глупости и лакейской угодливости.

Любим мы и сами обгадить свою родину. Это, кстати, и хорошо оплачивается. На Западе, на фестивалях, как правило, поддерживается такое наше искусство, где плохо о России и о русских. Чем хуже, тем выше оценка. Самый свежий пример: фильм под названием «4». Не видели? Достаньте, посмотрите. Легко меня поймете.

Лет 17 назад я побывал в первый раз у Солженицына в Вермонте. Александр Исаевич произнес в разговоре замечательную фразу:

—Вот приоткрыли «железный занавес», и оттуда хлынула к нам одна навозная жижа.

Как страшно и как правильно!

Ох, .как многому мы могли бы поучиться у Запада! Какие не ложные, а настоящие ценности могли бы приобрести! А мы что переняли?

Словечки «вау!», «менеджмент», «корпоративная вечеринка».

Попкорн, гамбургеры, кетчуп, сникерсы—то есть будущие язвы желудков.

Свободы сексуальных меньшинств. (До гей-парадов дело не дошло, но дайте время...)

Распушенность нравов. (Там, кстати, с этим все строже, а у нас все свободнее.)

Худшее из того, что было на западном телевидении. То, от чего они уже давно отказались. Вот и получилось: там телевидение достаточно нравственное, оно не наносит ощутимого вреда обществу, оно под контролем общества, а у нас — абсолютно безнравственное, и никакого контроля со стороны общества и государства. Люди уже воем воют. На встречах с избирателями меня спрашивают не о пенсионной реформе, не о низких зарплатах и пенсиях... Главный вопрос всегда один: «Когда вы остановите это безумие? Когда телевидение перестанет калечить души наших детей?»

Да, забыл про главное приобретение! Появился новый русский народный праздник —День святого Валентина!

Моя жена—правда, в шутку— каждый раз спрашивает меня:

—Ты опять не поздравил меня с Днем святого Валентина?

В воскресенье, 18 марта, я чуть не опоздал на встречу. Кутузовский проспект был перекрыт— двигалось какое-то шествие, толпы народа, в основном молодежь. Спрашиваю у солдата из оцепления:

—Что тут?

—День святого Петра...

Солдат ошибся. Праздновался День святого Патрика!

Придорожный трактир у въезда в Ростов Великий. У дверей — крутые иномарки. Входим. За сдвинутыми столиками компания молодых людей. Публика, что называется, распальцованная. Вносят торт с горящими свечами для именинника. Гости встают и поют: «Happy birthday to you».

Уверен, ни один из поющих не знает ни единого иностранного языка — ни английского, ни французского, ни турецкого. А тут так правильно, так чисто: «Happy birthday to you».

Одно слово—обезьяны!

Когда Солженицын говорит о навозной жиже, хлынувшей с Запада, он имеет в виду, конечно, и человеческий материал. Сколько авантюристов-золотоискателей кинулось в новый Клондайк, где «золото», никем не охраняемое, лежит прямо на земле. Быстро освоив правила игры, перегрызая глотки друг другу, они возвращались на родину уже состоятельными людьми. Побывали в эти годы у нас, я полагаю, и честные люди, компетентные специалисты, искренне пытавшиеся помочь России, но, если судить по конечному результату (по тому, что стало с Россией, какой она стала), пользы они не принесли. Я же лично не встречал ни одного человека с Запада, будь это «чистый» иностранец или бывший наш соотечественник, который бы приезжал к нам с другой целью, кроме как «подшибить денег».

Был у меня на дипломном фильме «Вертикаль» Леня, помощник режиссера. Одессит, поэт,

эссеист, штангист. Большой эстет. Все мечтал взорвать памятник «Потемкинцам», что стоит на Екатерининской площади в Одессе. Памятник оскорблял его эстетические чувства. Монумент и впрямь уродлив до невозможности. Тут я Леню Маку понимаю.

В 70-х годах Маку удалось как-то свалить за границу. Давнишняя была его мечта. Жил в Америке, бедствовал. Пробовал заниматься бизнесом, прогорал.

Для бизнеса тоже нужен талант и особая хватка.

В начале перестройки встречаю его в Москве.

—Ты чего тут?

— Да вот, понимаешь, хочу немножечко денег подшибить.

—Каким образом? —Ну там бизнес... то... се... —А деньги у тебя есть? —Зачем?

—Ну для раскрутки... Первоначальный капитал, так сказать...

— Наивный человек! Не знаешь нашу страну?! Да тут за какой-нибудь паршивый видеоманитофон ползавода можно купить...

Прошло полгода... Смотрю как-то телепередачу из Ленинграда. Показывают семинар молодых бизнесменов. Молодые люди жадно ловят и записывают каждое слово из уст крупного, импозантно одетого западного бизнесмена.

Бизнесмен этот, как вы, наверное, уже догадались, был мой помреж.

До какой же степени можно не уважать себя! Восхищенно смотреть в рот любому заезшему «оракулу», уснащать свою речь иностранными словечками (считать это хорошим тоном), а главное— умудриться по-обезьяньи схватывать самое ненужное, самое глупое, самое наносное!

Не с той стороны мы видим опасность — для России, для русских, для русского языка.

Армяне, азербайджанцы, грузины, узбеки, приехавшие в Россию в результате исторического катаклизма, как раз быстро ассимилируются, приобщаются к русской культуре, начинают не только говорить, но и думать на языке титульной нации. Мы же не эстонцы, которые борются за чистоту крови: эстонец должен жениться на эстонке, эстонка—на эстонце. В результате эволюции (а их всего-то миллион!) начнут скрещиваться с родными братьями и сестрами и выродятся в обыкновенных чухонцев, коими и были на протяжении веков, пока не влились в многонациональную империю. Нам же процесс ассимиляции в себя ничем не грозит, он даст только дополнительные краски в общую палитру и оздоровит нацию. Тем более что этот процесс длится несколько веков — всю российскую и советскую историю. Чего же мы сейчас так перепугались? Вот Американские Штаты, на которые мы так любим кивать,—триста лет мешались. И ничего, здоровая нация получилась. Если бы не болезнь ожирения, которая так распространена в Америке. Но с этим можно бороться. Достаточно понять, что нация ест нездоровую пищу, и сжечь эти чертовы «Макдоналдсы», как сжег такой «Макдоналдс» один французский фермер у себя на родине. Отсидел два года, а теперь баллотируется в президенты. Французы умеют бороться за свою культуру.

Конечно, во всем нужна осторожность, чувство меры, что и должно быть положено в основу национальной политики, но реальная ситуация такова: те, кто приехал в Россию и уже живет в ней,—русские (россияне). Нравится это кому-то или нет. Да и как иначе можем мы решить проблему нашего

многоплеменного состава, если не терпением, согласием и любовью!

Компас опасности у нас неисправен. Стрелка все время показывает на юг, а надо бы на запад. Интегрироваться в западную цивилизацию и при этом потерять себя, свою культуру, свой язык — это для нации смерти подобно. Запад легко нас проглотит.

Политика поглощения России ведется неустанно. Причем агрессивно, используя на всю катушку нашу обезьянью породу. Вот обезьяна смотрит на человека и ничего полезного не перенимает—одни ужимки. Так и мы. Быстро учимся тому, чем)' и не следовало бы учиться. А полезное—мимо нас.

И все-таки — помог ли нам Запад? Нам и дальше выстраивать отношения со странами Европы и Америки.

Какими они должны стать? Значит, пора остановиться, оглянуться назад, вспомнить все плохое и хорошее, — подвести итоги.

В конце восьмидесятых началось наше тесное сотрудничество с Западом. Понаехали американские советники, учили нас демократии, менеджменту, приобщали к цивилизации. Международный валютный фонд давал нам деньги в долг (под большие проценты), а за это требовал вести государственное хозяйство по западным лекалам. Если помните, по требованию МВФ закрывались заводы и шахты, и маленькие города садились на голодный паек блокадного Ленинграда. И, главное, случилось то безумие, которое сегодня иначе как грабительством никто не осмелится назвать, — началась приватизация. Как, кому, за сколько? Неважно. Лишь бы быстрее, быстрее, быстрее. Огромные народные богатства' попали в руки тех, кто ловчее.

Вот вам картина последнего десятилетия XX века.

Разрушено все: промышленность, оборона, система государственной безопасности, наука, медицина, здравоохранение, школа, вообще система образования.

Преступность развилась до немыслимых пределов, мы даже начали экспортировать ее (вместе с нефтью и женщинами). Из страны ежегодно вывозятся 25—30 миллиардов долларов и оседают в западных банках (а значит, работают на экономику западных стран).

Появились беспризорники. Да сколько! Миллион-полтора! А значит, неграмотность. Впервые за 80 лет!

В школе дети учатся по учебникам Сороса, в Якутии английский язык объявлен государственным.

Международный авторитет России упал ниже нулевой отметки—кто только не вытирал о нее ноги! А президент дирижировал оркестром, потешал западную публику.

В те годы попалось мне на глаза старое стихотворение Максимилиана Волошина—и как ножом по сердцу!

«С Россией кончено.

На последних

Ее мы прогалдели, проболтали.

Пролузгали, пропили,

*проплювали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах.
«Не надо ль
Кому земли, республик и свобод,
Гражданских прав?..
И родину народ Сам выволок на гноище,
как падаль...»*

Мировая закулиса уже хоронила Россию. Мне и самому показалось, что все кончено. И самое ужасное, что подросло новое поколение, «оторванное от духовного лона россиян», уже почти переставшее быть русскими.

Ну вот, как подвигаются тектонические пласты, так что-то сдвинулось в народных глубинах, пошли какие-то процессы, еще непонятные, но, очевидно, ведущие к укреплению национального самосознания. Россия медленно поднимается с колен и вот-вот встанет в свой непомерный рост. Что это? Не понимаю, но вижу отчетливо. Опять, что ли, наше русское искусство: «побеждать отступая»?

Но радоваться рано. Погубить Россию все-таки можно. Но только одним способом: переломив ее духовный хребет, лишив нацию ее духовных сил.

Приведу золотые слова Александра Исаевича Солженицына. Он произнес их почти два десятилетия назад. Только к ним никто не прислушался.

«Если духовные силы нации иссякли, никакое наилучшее государственное устройство и никакое наилучшее промышленное устройство не спасут ее от смерти. С гнилым дуплом дерево не стоит».

А где нация черпает свои духовные силы? В своей истории, в своей литературе, искусстве, вообще в культуре. Вот как только убедить в этом руководителей государства?! Ни в одном еще послании обоих президентов Федеральному собранию проблемы культуры не затронуты глубоко.

А это означает: главной опасности не видим!

Что же делать?

Научиться уважать себя. Начать жить своим умом. Не интегрироваться безоглядно в западную цивилизацию, а брать оттуда только полезное, то, что хорошо приживется на родной почве.

Запад нам, конечно, нужен. Но и мы ему нужны. И, полагаю, в гораздо большей степени.

Мы единственная в мире абсолютно самодостаточная страна, У нас есть все! Неиссякаемые источники энергии, все минеральные богатства, огромные территории, моря, леса, реки, выходы ко всем четырем океанам... Что нам мешает жить богато?

Неуважение к себе, к своей стране, к своему народу, к своей истории. «Ключи к будущему— в нашей истории», — говорил Василий Ключевский. Отрицательный опыт — тоже опыт. Достаточно — не повторять ошибок.

Так вспомним же нашу трудную историю: от русских князей и Чингисхана до «окаянных дней» последнего десятилетия XX века. И не будем повторять ошибок. И сбережем свой язык. Язык, на

котором общается вся наша многоплеменная Россия. (Русский, кстати, язык, а не российский. Его, слава богу, еще не переименовали.)

Русские мы или россияне, сути дела не меняет. Важно, что мы потомки Петра Великого и Александра Суворова, Толстого и Достоевского, Чайковского и Менделеева, то есть хранители и носители высокой культуры. И нам незачем «интегрироваться» в чужую культуру и в другую цивилизацию.